

Посткоммунистическое развитие Украины и России **(сравнительный анализ социально-политических процессов)**

Анализ опыта посттоталитарных государств, переживших в прошлом трудности перехода к открытому обществу, те же может в полной мере быть перенесен на Россию и Украину, поскольку во *всех* исторических прецедентах преодоления тоталитаризма задачи реформаторов определялись главным образом необходимостью политических преобразований, тогда как в государствах СНГ речь идет не только о преодолении политического наследия коммунизма, но и о создании принципиально новых экономических и национально-государственных основ демократического общества.

Вызывающее немало споров и сомнений политическое решение о суверенитете России и Украины, по моему убеждению, было продиктовано сложившимися в тот период общественными условиями, в которых дальнейшее сохранение Советского Союза могло привести к неуправляемому процессу распада социальных связей, когда центральная власть не способна была осуществлять эффективное руководство республиками и регионами. Таковы были объективные исторические условия, хотя сам Акт о независимости

Украины был принят коммунистическим большинством Верховного Совета преимущественно под влиянием страха украинской партийной верхушки перед перспективой нести ответственность за фактическую поддержку августовского путча.

Что касается России, то и ее суверенитет первоначально был провозглашен не менее консервативным, чем в Украине, парламентом, в котором соединились стремление российской региональной номенклатуры к большей независимости от союзного руководства и личные притязания харизматического лидера, поддержанного в своих властных притязаниях демократической общественностью. Но хотя оба суверенных государства возникли примерно по одному сценарию, дальнейшие события, связанные с полным развалом СССР и независимым существованием России и Украины, привели к неожиданному результату.

Казалось бы, общие исходные условия — экономические, политические, социально-психологические, историко-культурные — должны были диктовать единую логику становления новообразованных государств. Однако на практике общим оказалось только одно — непоследовательность и противоречивость развития. В результате, Россия и Украина осуществляют одинаково непоследовательную, но разнонаправленную политику. Если Россия в 1992 г. сделала решительный шаг к либерализации экономики, инерция которого, подкрепленная заинтересованностью достаточно сильного класса собственников, позволяет стране все дальше уходить от государственного произвола в экономической сфере, то экономика Украины и поныне движется по инерции, которую сохраняет полуразвалившаяся государственная экономика. Население России уже успело разочароваться и в приватизации и в надеждах на быстрый эффект экономических реформ. Большинство населения Украины приватизацию, об успешном осуществлении которой известно только нескольким ответственным работникам Кабинета министров, попросту не заметило, а к рыночной реформе относится несколько лучше россиян, поскольку все еще живет в ее ожидании.

Таким образом, по шкале экономической свободы Россия основательно продвинулась к либеральному полюсу, а Украина очень недалеко ушла от нулевой точки, с которой обе страны начали самостоятельное посткоммунистическое развитие. Иная картина наблюдается в идеологическом развитии этих государств. Россия в последнее время все откровенней декларирует идеологию державничества и особого российского пути, который во многих принципиальных чертах не согласуется с идеологией экономически развитых западных государств, тогда как Украина постоянно подчеркивает свою приверженность западной идеологии и свое стремле-

ние к интеграции с Западом. Образовавшиеся "государства-кентавры" (одно с либеральным туловищем и агрессивной державной головой, а другое — с головой, направленной на Запад, но не способное реально двигаться в вожаделенном направлении из-за упирающегося "социалистическими копытами" базиса), являют собой различные примеры "переходных социумов", чей нынешний статус исторически неперспективен и предшествует принципиальному выбору между последовательным демократическим развитием и возвратом к тоталитаризму.

Причем, как это ни парадоксально звучит после победы на последних парламентских выборах в России коммунистов, именно россиянам меньше угрожает "светлое коммунистическое прошлое", поскольку против него активно работает накопленная в результате приватизации частная собственность и к нему не хочет возврата наиболее социально активная часть населения, включая большинство представителей элитных слоев общества.

России в большей мере угрожает авторитарная власть фашизоидного толка с имперскими амбициями и пренебрежением к правам человека и национальных меньшинств. А для Украины, при всей ее декларативной идеологической направленности на Запад, более вероятным представляется медленное сползание в коммунистическое болото, поскольку западные духовные ценности отнюдь не являются самодостаточными, а нуждаются в соответствующем экономическом фундаменте, строительство которого в Украине постоянно откладывается "до лучших времен".

Разумеется, рассмотренные выше варианты ответа на вопрос "Куда идут Россия и Украина?" — отнюдь не безальтернативны. Вполне возможны и сценарии, связанные с отказом России от остаточных имперских амбиций, а Украины — от бесплодных попыток поддерживать жизнеспособность страны в рамках отжившей экономической системы. Этот путь они вполне могут пройти успешно, если устоят перед соблазном реинтеграции в единое союзное государство, в котором мгновенно восстановятся все прошлые навыки имперского покровительства и провинциального послушания, а "болеющие за Державу" правители России примут на обеспечение полуразвалившуюся государственную экономику Украины и Белоруссии. В результате, народам этих государств в очередной раз придется забыть о возможности приобщения к цивилизованным формам общественной жизни.

Сказанное не означает, что любое сближение между Украиной и Россией представляет угрозу для их демократического развития. По мере отказа обоих государств от антилиберальных иллюзий в идеологии и экономике, это сближение в обоих государствах будет восприниматься как естественный и взаимовыгодный процесс. Однако

сегодня далеко не случайно в сознании значительной части украинской политической элиты основная внешнеполитическая угроза для Украины увязывается с возможностью утратить суверенитет, поддавшись на искушение улучшить экономическое положение за счет политических уступок Москве. Нередко высказываются и опасения перед непосредственной угрозой вторжения со стороны "северного соседа". Эти страхи приобретают вполне, казалось бы, реальные очертания при обострении ситуации вокруг Крыма и Черноморского флота. К этой угрозе серьезно относится и значительная часть населения Украины, преимущественно в некоторых западных и центральных областях. Так, отвечая в октябре 1993 г. на вопрос: "С каким из государств для Украины существует наивысшая степень риска военного конфликта?", — 32% населения Украины отдали "пальму первенства" России, 7% упомянули Польшу, 4 — Румынию, по 3% — США, Турцию и Грузию, а остальные страны назывались крайне редко (по общенациональной выборке были опрошены 1800 человек).

Действительно ли реальной в последние годы была угроза независимости Украины со стороны России? Ответ на этот вопрос мог быть только отрицательным вплоть до последнего времени, когда в России доминировала внешняя политика, ориентированная на развитие сотрудничества с Западом. Эта политика, при всей ее непоследовательности в отношениях с ближним зарубежьем, в целом склонялась к избеганию крайностей и агрессии. Это было связано с прагматичной, рыночной ориентацией Президента России и его политического окружения, стремлением России сблизиться с Западом. Такая ориентация несовместима с последовательной имперской политикой, а отдельные "шовинистические выходки" наблюдались отнюдь не только у российских государственных чиновников и политиков.

Однако в 1994 г. появились тревожные тенденции во внешнеполитических ориентациях российского руководства, связанные с попытками перехватить у Жириновского часть его электората на президентских выборах, а также в связи с победой "партии войны" в решении чеченского вопроса. И хотя в действиях российского руководства в этот период не наблюдалось ужесточения позиции по отношению к Украине, общая атмосфера усиливающегося духа "державничества" создает почву для оживления тех сил, которые не могут принять идею независимого существования Украины, а также склонны не признавать ее суверенность в нынешних границах (имеется в виду вопрос о статусе Крыма).

В этих условиях значительную опасность для Украины могут представлять силы социал-коммунистической направленности, если им удастся прийти к власти в России в союзе с "патриотами-почвенниками". Вот тогда-то, собственно, Украине придется делать принципиальный выбор между Западом и Востоком.

А пока общественное мнение Украины склоняется в сторону первоочередного сотрудничества с государствами СНГ, о чем свидетельствуют данные репрезентативных для Украины опросов, проведенных Институтом социологии НАН Украины и независимым центром "Демократические инициативы" в 1993—1995 гг. (табл. 1).

Таблица 1

**Какой путь развития Украины Вы считаете предпочтительным!
(В % к числу опрошенных)**

Варианты ответов	Июнь 1993 г N-1800	Май 1994 г N-1807	Май 1995 г N-1810
В первую очередь расширять связи в рамках СНГ	34	41	39
Устанавливать связи в первую очередь с развитыми странами Запада	14	13	14
Опориться прежде всего на собственные ресурсы, укрепляя независимость	10	13	14
Укреплять прежде всего восточно-славянский блок (Украина, Россия, Белоруссия)	10	—	—
Устанавливать наиболее тесные связи со странами бывшего социалистического лагеря	5	—	—
Развивать отношения преимущественно с Россией	8	18	15
Разные регионы Украины должны выбирать свой путь	3	4	4
Создавать Балто-Черноморский союз	7	2	1
Другое	1	2	2
Затруднились с ответом	9	10	11

Примечание. Пропуски в таблице означают, что данные ответы не были включены в последующие опросы.

Судя по данным опросов, большинство населения Украины ориентировано прежде всего на укрепление отношений постсоветских государств в пространстве бывшего Союза. Причем за год несколько снизилась ориентация на приоритетные контакты в рамках Балто-Черноморского региона и укрепилась готовность к сотрудничеству в рамках СНГ.

В связи с усиливающимися в последнее время интегративными тенденциями в СНГ принципиальное значение для Украины приобретает вопрос о так называемых "надгосударственных структурах", в которых многими политиками в Украине усматривается главная угроза для независимости. Однако в мире существует множество надгосударственных структур, регулирующих взаимоотношения независимых государств как в рамках определенных блоков, союзов, содружеств, так и вне каких-либо группировок. Независимости государства прежде всего угрожают не координационные структуры, которые вполне могли бы поддерживать уга-

сающие контакты в рамках СНГ и привести к согласованию экономических, политических и социально-культурных интересов членов Содружества, а суверенная амбициозность и некомпетентность властных элит, которые во многих случаях буквально провоцируют рост напряженности и способствуют развязыванию кровопролитных конфликтов.

В отличие от России, Украина — одна из немногих бывших советских республик, которая сумела пережить годы перестройки и независимости без кровопролития и агрессивного столкновения политических сил. И хотя в ноябре 1993 г., отвечая на вопрос о возможности в Украине вооруженного конфликта, подобного тому, который произошел в Москве, большинство жителей Украины (54%) считали такой конфликт возможным, реальная политическая ситуация не подтвердила эту пессимистическую оценку.

В чем же причина различия между относительно мирной Украиной и пережившей кровопролитные конфликты Россией, если, по данным массовых опросов, в обеих наблюдается общая тенденция — не очень значительный потенциал массового протеста при явном преобладании ориентаций на легитимные формы протеста?

Дело в том, что не массовое миролюбие прежде всего предотвращает угрозу вооруженных столкновений и гражданской войны. В определенных социальных условиях достаточно агрессивного меньшинства для развязывания массовой бойни. И в первую очередь источником агрессии становятся межэлитарные противоречия. Именно в конфликте элит заключен основной источник социального взрыва в посттоталитарном обществе, где противостояние правящей элиты и масс может приобретать агрессивные формы (за исключением отдельных стихийных выступлений, легко подавляемых сплоченными элитами), лишь в том случае, когда интересы правящей элиты оказываются несовместимыми (взаимоисключающими) с интересами оппозиционных политических сил. В России подобный антагонизм уже привел к межэлитарному деструктивному конфликту в агрессивной форме (октябрь 1993 г.), а также спровоцировал локальный очаг гражданской войны в Чечне. При этом сдерживающим фактором глобализации вооруженного конфликта в России является наметившийся процесс развития конструктивного межэлитарного конфликта. Об этом свидетельствует значительное, в сравнении с Украиной, продвижение России в формировании действенного института многопартийности, отражающего реальную дифференциацию интересов различных социальных групп, а следовательно, и продвижение по пути "детоталитаризации".

Что касается Украины, то хотя процесс дифференциации элит в ней привел к противостоянию "партии власти" и оппозиции, в обществе не нашлось достаточно активных и организованных сил, которые

могли бы затянувшийся эволюционный процесс отмирания старой общественной системы превратить в радикальный взрыв, опираясь на существующее массовое недоверие к властным структурам и недовольство экономическим положением страны. Это связано с феноменом разделения сфер влияния между элитами, когда экономическая сфера оказалась в руках старой номенклатурной элиты, а идеологическая — в компетенции наиболее организованной новой элиты, сформировавшейся вокруг идеи приоритетности укрепления национальной государственности.

Если номенклатурная и национально-демократическая элиты, разделив сферы влияния, создают мощный "центристский буфер", то правые националистические и левые коммунистические радикалы как раз именно своим непримиримым соперничеством (в отличие от России, где шовинисты и коммунисты общими усилиями провоцируют путчи и массовые беспорядки) снижают потенциал взрывоопасного экстремизма. В результате, ни те ни другие не могут заручиться решающей поддержкой люмпенизированных и маргинальных слоев населения, составляющих основную деструктивную силу социального протеста.

Украине удалось избежать и одной из серьезных угроз конфронтации, связанной с конфликтом законодательной и исполнительной ветвей власти по поводу властных полномочий. Процессу разделения властей в Украине еще предстоит приобрести легитимность в результате принятия новой Конституции, в которой полномочия различных ветвей власти должны быть определены с такой степенью детализации, которая, с одной стороны, позволила бы предотвращать конфликты по поводу подозрений в узурпации чужих властных полномочий, а с другой — оставляла бы возможность для взаимоконтроля и взаимозаменяемости властей в случаях политического краха или злоупотреблений одной из властных структур. Эти механизмы давно отработаны в мировой практике, однако ни одна теория разделения властей не выработала четких представлений о функционировании этих механизмов в посткоммунистических государствах.

Идея разделения властей в переходном посткоммунистическом обществе должна восприниматься с большой осторожностью и ясным осознанием того обстоятельства, что в "бутылке тоталитаризма" заключено немало "джиннов", появление которых в нестабильном обществе чревато серьезными разрушительными последствиями. Примером может служить печальная судьба первого российского парламента, успевшего за неполный срок своего существования дискредитировать идею парламентаризма, и Конституционного суда России, дискредитировавшего идею независимой судебной власти.

Не столь драматичным, но столь же бесславленным оказался и финал законодательной деятельности первого украинского парламента, успевшего продемонстрировать собственную несостоятельность, но сохранившего потенциальный престиж высшей судебной власти, не сумев сформировать конституционный суд.

В Украине и нынешний парламент не спешит с принятием новой Конституции, поскольку она должна была явно превзойти его собственный потенциал демократизма, а президент не торопит народных избранников, так как опасается, что они не предоставят ему тех полномочий, которыми располагают президенты многих других новообразованных независимых государств. В результате Украина не имеет новой Конституции, а следовательно, и процесс разделения властей в ней пока не имеет под собой прочного фундамента. Благодаря этой неторопливости властей, Украине удалось избежать одной из серьезных угроз конфронтации, связанной с конфликтом законодательной и исполнительной ветвей власти по поводу львиной доли властных полномочий. Но цена за эту бесконфликтность весьма высока: основные ветви власти остаются в Украине "сиамскими близнецами" с двумя головами, но с единой системой "обмена веществ". И хотя головы иногда ссорятся, тела продолжают отправлять общие функции, поглощать одни и те же ресурсы и болеть одними и теми же хворями.

Опыт анализа процессов разделения основных ветвей власти в Украине, России и других посткоммунистических государствах позволяет выделить четыре основных этапа, из которых два первых не представляют угрозы для социального взрыва, а последний является целью, достижение которой зависит от конструктивного разрешения конфликтов, неизбежно возникающих на третьем этапе.

1. Декларативное согласие (согласие на основе общего интереса в утверждении государственного суверенитета).

2. Демонстративная конфронтация (самоутверждение в роли "выразителей интересов народа").

3. Принципиальная конфронтация (борьба за властные полномочия).

4. Принципиальное согласие (осознание пределов компетенции и поиск на этой основе возможностей взаимодействия).

В настоящее время Украина находится на этапе демонстративной конфронтации представителей законодательной и исполнительной структур власти. Следующая стадия будет неизбежно связана с принципиальной конфронтацией, обусловленной объективной потребностью в дееспособных и компетентных властных структурах. Именно на этой, наиболее взрывоопасной стадии, в настоящее время находится Россия, которая форсировала реформы и раздел собственности в 1992 г.,

опередив Украину на один шаг в экономическом развитии, в формировании новой социально-классовой структуры и института многопартийности, расплачиваясь за это крайне высокой ценой агрессивных и кровопролитных социальных конфликтов.

Необходимо ясно осознавать, что в посткоммунистическом обществе Конституция не может не отражать противоречия и конфликты переходного периода, и прежде всего конфликта исполнительной и законодательной властей. В России этот конфликт привел к параллельной подготовке президентского и парламентского вариантов Конституции, где каждая сторона "тянула одеяло на себя". В этом неразрешимом мирными средствами конфликте Б.Ельцин победил силой оружия и представил на суд народа свой вариант, обеспечивающий ему право избавляться от чересчур амбициозного состава парламента. Народ правильно понял своего Президента и поддержал идею сильной президентской власти, хотя тот же народ не отказал бы в поддержке и парламентскому варианту, если бы Верховный Совет России оказался удачливее Президента.

В данном случае срабатывает доминанта массового сознания — его амбивалентность, заключающаяся в своеобразном "посттоталитарном плюрализме", когда большинство населения признает право на существование в одной "точке" политического пространства и времени взаимоисключающих идей, мнений, политических позиций. Такова специфика сознания людей, неожиданно для самих себя переселившихся из "царства необходимости в царство свободы" и обнаруживших, что выбирать из нескольких вариантов труднее, чем из одного. Отсюда проистекает и поразительный успех всех отечественных референдумов последних лет независимо от их политической направленности.

Человек с амбивалентным типом сознания, находясь в здравом уме, вполне может одновременно высказываться за развитие многопартийности и против всяческих новоиспеченных партий, за свободу передвижения и ужесточение таможенного контроля и режима прописки, за ускоренное развитие рыночной экономики и регулируемые государством цены, за расцвет предпринимательства и за то, чтобы государство не попустительствовало "зарвавшимся предпринимателям", за независимость своего государства и восстановление Советского Союза.

Таково сознание большинства людей в переходном обществе, с которым в исследованиях постоянно имеют дело социологи Украины и России, а в социальной практике — каждый, кто пытается предпринять что-либо конструктивное в политике и экономике. О степени распространенности данного типа сознания свидетельствуют результаты опросов населения Украины, представленные в табл. 2.

**Отношение населения Украины к политическим силам
в зависимости от их ориентации на социализм или капитализм
(в % к числу опрошенных)**

Суждения	Ноябрь 1993 г. N-1800	Май 1994 г. N-1807	Май 1995 г. N-1810
Поддерживаю сторонников капитализма	18	13	13
Поддерживаю сторонников социализма	12	22	22
Поддерживаю и тех и других, лишь бы не воевали	22	24	19
Не поддерживаю никого из них	30	20	24
Другие ответы	2	2	3
Затруднились с ответом	16	19	19

Как видно, граждане Украины с нигилистически-амбивалентным типом политического сознания (не поддерживающие ни одно из возможных направлений развития общества) составляют наиболее значительную часть, а вместе с конформно-амбивалентными (готовыми поддержать взаимоисключающие политические позиции) — более 1/2 населения.

Нигилистическое сознание сопротивляется любым попыткам вывести общество из кризиса, его стихия — углубляющийся кризис, постоянно подбрасывающий хворост в тлеющий костер недовольства всем и всеми. Являясь в стабильном обществе уделом люмпенизированных и маргинальных слоев, этот тип сознания может приобрести массовое распространение в условиях затянувшегося кризиса, и найдя идеологическую доктрину в незамысловатом лозунге "чем хуже, тем лучше", выплеснуться в стихию разрушения материальных и духовных устоев общественной жизни. Не менее опасен для демократического развития общества и конформизм, бездумно принимающий любые, самые некомпетентные и опасные политические решения.

И хотя в структуре амбивалентного сознания находят место и отдельные демократические ориентации, их побудительный потенциал остается иллюзорным и направленным не столько на стимулирование демократически ориентированной социальной активности, сколько на создание новых иллюзий и мифов, ничем по сути не отличающихся от мифов тоталитарного прошлого. Представленные данные свидетельствуют о том, что конкретный политический выбор является реальностью для меньшинства населения Украины. Судя по данным мониторинга общественного мнения, осуществляемого в последние годы ВЦИОМ, аналогичная картина наблюдается и в России, где большинство населения, с одной стороны, хотело бы вернуть общественную ситуацию к доперестроечным временам, а с другой — не

поддерживает идею прекращения экономических реформ (определенно против реформ выступают менее $\frac{1}{3}$ опрошенных и примерно столько же проголосовали на выборах за коммунистов).

Большинство граждан России и Украины не имеют однозначного представления о том, в каком обществе они хотели бы жить и в каком направлении должно развиваться государство. В России и Украине преобладает противоречивая, двойственная позиция большинства населения в отношении стратегии общественного развития, и это дает недальновидным правителям возможность "идти на поводу" у общественного мнения, проявляя присущую массовому сознанию непоследовательность и неопределенность в выборе стратегии.

Однако в политике принцип "что положено рядовому гражданину, не позволено ответственному политику..." должен найти место в той его интерпретации, которая связана с пониманием принципиальной "нестратегичности" массового сознания. Большинство населения судит о курсе правительства прежде всего по его непосредственным результатам, тем самым живя прошлым и отвергая право на перспективу для тех политических и экономических решений, от которых нет сиюминутной отдачи. Но в том и состоит профессионализм политиков, тем и определяется их легитимное право на власть в посткоммунистическом обществе, что они способны последовательно поддерживать и развивать в амбивалентном массовом сознании ту его составляющую, преобладание которой является решающей предпосылкой принципиального выбора стратегии развития, которая соответствует интересам долговременного цивилизованного развития государства.